

С.П. Орленко (Москва)

РУССКИЕ МЕЧИ ОРУЖЕЙНОЙ ПАЛАТЫ XVII ВЕКА

В Московском государстве меч не входил в состав парадного вооружения великих князей и царей московских. Первое место в составе государева воинского наряда традиционно принадлежало саадаку. Холодное оружие было представлено саблей, булавой, рогаатиной, копьем, сулицей.

Первый сюжет с появлением меча в придворном церемониале относится к недолгому периоду царствования Лжедмитрия I. Польские дневники указывают, что в мае 1606 г. во время аудиенций в церемониальной страже Лжедмитрия I помимо четырех рынд с топорами присутствовал и пятый – с обнаженным мечом¹. Участвовал мечник и в церемонии коронации Марии Мнишек 18 мая 1606 г.² В составе русского двора Лжедмитрием был учрежден новый чин – «мечник великий», которым становится молодой представитель знатнейшего рода, князь Михаил Васильевич Скопин-Шуйский³. Распоряжение Лжедмитрия I не было экзотическим проявлением персональной милости к князю Михаилу Васильевичу. В его отсутствие придворная служба «великого мечника» могла быть возложена на другого. 5 мая 1606 г. с мечом по левую сторону от трона стоял Дмитрий Шуйский⁴.

Этот шаг «государя Димитрия» вероятней всего представлял собой заимствование из церемониальной практики дворов западных монархов, а в качестве непосредственного источника для подражания могла выступать придворная жизнь Речи Посполитой⁵. После убийства Лжедмитрия I чин мечника пропадает из состава русского двора. При Василии Шуйском и при первом Романове новшества, введенные Самозванцем, едва ли могли прижиться по идеологическим

причинам. Ситуация изменилась в 50-е гг. XVII столетия, что, по всей вероятности, было связано со вступлением России в войну на западных рубежах.

Летом 1656 г. русская армия продвигается к Риге. К ней готовится присоединиться и находившийся в Смоленске государь Алексей Михайлович. В это время царь дает распоряжение боярину князю Григорию Семеновичу Куракину срочно украсить присланные ему из Смоленска 20 протазанов. Документ был писан «в нашей отчине в Смоленску» в июне без указания дня⁶. Это распоряжение было вскоре дополнено другим. Память дьяку Ивану Степанову со ссылкой на царский указ от 18 июня предписывает изготовить в Оружейном приказе «сорок пратазанов средних чтоб были образцом лутчи тех протазанов которые посланы к Москве... Да десет мечей з долами которые взяты за государем в поход и позолотит по доликама по местам где пригоже... те протазаны и мечи делать наспех». В документе звучит категорическое указание закончить все работы не позже сентября⁷.

Еще одно подтверждение указа о мечах и протазанах последовало в июле. «По нашему указу велено в нашей Оружейной палате зделать сорок протазанов да десять мечей. И как к Вам ся наша грамота придет и вы б в нашей Оружейной палате сорок протазанов да десять мечей велели зделать против образцов... Писана в нашем великого государя стану под городом Динобурком лета 7164 (1656) года июля в 27 день»⁸.

Таким образом, мы видим, что государем был выдан заказ на создание масштабной группы парадно-церемониального оружия. Нет никаких сомнений, что заказанные мечи имели исключительно парадно-церемониальное назначение. Как боевое оружие в середине XVII в. двуручный меч был безнадежно архаичен и в составе вооружения русских войск в отличие от протазанов и алебард не упоминается.

Относительно планов возможного использования этой парадно-церемониальной группы оружия в контексте военно-политических реалий лета 1656 г. и поставленных сроков выполнения работ наиболее правдоподобно выглядит версия о приготовлениях к торжественному вступлению государя Алексея Михайловича в Ригу.

Допускает различные толкования относящаяся к присланным в Москву образцовым мечам фраза: «взяты за государем в поход». Были ли мечи взяты в поход из Москвы из государевой Оружейной

палаты, были ли взяты во время похода в качестве трофея или были кем-то поднесены государю и взяты в его походную оружейную казну? Нет информации о том, что это были за мечи и как они выглядели, за исключением наличия на них «доликов». В описи Оружейной казны, что была с государем в Рижском походе, мечи упомянуты, хотя запись о них, в отличие от подробных описаний другого оружия, предельно лаконична: «6 мечей»⁹.

Отчасти ясность в этот вопрос может внести приходо-расходная книга Оружейного приказа 1656 г. (более ранние не сохранились). Расходная часть начинается с конца февраля и фиксирует активную работу над группой парадно-церемониального оружия, заказанной царем после возвращения из Смоленского похода зимой 1655 г. Ранняя группа также состояла из мечей и протазанов. Однако если процесс создания и украшения протазанов можно проследить достаточно подробно, то к работе над мечами относится только одна запись: 27 апреля дано было «паникадилному мастеру Ивану Иванову на медь на одиннадцать фунтов рубль три алтына две денги, да на уголья на мешок два алтына две денги. Всего рубль пять алтын четыре денги делать к мечам три огнива»¹⁰. Очевидно, расходная книга отражает лишь завершающую часть работ над группой церемониального оружия накануне выступления государя из Москвы.

Как следует из документа, изготовление литых медных эфесов к мечам было возложено на мастера-паникадильщика. Паникадильные мастера занимались изготовлением церковных люстр – паникадил. Наряду с пушечными и колокольными литейщиками они работали на московском Пушечном дворе на р. Неглинной, а также трудились в частном порядке. В Москве паникадильные мастера проживали преимущественно в Таганной слободе. Возможно, упомянутый в документе Иван Иванов был учеником известного нюрнбергского литейного мастера Ганса Фалька, трудившегося в Москве в 1627–1653 гг.¹¹

Оперативное исполнение заказа, полученного летом 1656 г., в полном объеме представляло немалую трудность для Оружейной палаты, испытывавшей на тот момент острейший кадровый голод. Большой урон личному составу мастерских нанесла московская чума 1654 г. Часть мастеров находилась вместе с государем в походе.

Восстановить хронологию работ дает возможность та же приходо-расходная книга 1656 г. Работа над мечами началась только 20 июля: сабельному мастеру Андрону Ефремову выдали деньги на 30 гривенок стали. «Велено ему зделать двенатцать мечей».

23 июля «паникадильщику Ивашку Тиханову [дано] на глиняные на пятнатцать брусочков, в чем медь топить к мечовым крыжам, по пяти денег брусок». 8 августа было затребовано 4 пуда меди на отливку «агнив» – гард к 10 государевым мечам. Запись о выдаче 3 пудов меди сделана 11 августа¹². (Обращает на себя внимание явно избыточное количество материалов, и особенно меди, запрошенное на изготовление мечей.) 9 августа сабельному мастеру Андрону Ефремову выдали деньги «на пять дерев липовых к мечам на ножны». Того ж числа «стрелцу Астафьева приказу Зыбина Федке Иванову на стальное железо... четыре алтына. Велено ему к мечам зделать три пилы». 15 августа «Астафьева приказу Зыбина стрелцу Федке Иванову государева жалованья поденного корму на 14 дней по алтыну. Вытирал (выгачивал. – С.О.) у десяти мечей доль»¹³.

Очевидно, что выполнить поставленную задачу в полном объеме в поставленный срок не удавалось. Впрочем, если верны наши предположения относительно планов использования этой парадно-церемониальной группы оружия, то актуальность заказа вскоре снялась. Осада Риги затягивалась, русские войска испытывали трудности со снабжением, кроме того, появились сведения, что в Риге началась чума. По мнению исследователя О. Курбатова, уже к середине сентября было принято решение об отказе от штурма и начались приготовления к снятию осады. В последних числах сентября государь Алексей Михайлович с частью войска отступил от Риги к Полоцку.

24 августа золотарю Ивашку Григорьеву выдали «на уголье тринатцать алтын две денги. Золотил к мечам крыжи». 27-го числа «сабелного дела мастеру Андрону Ефремову на сталь на пять гривенок пять алтын к мечам. Ему ж на уголье десять алтын... Делал мечи¹⁴». В конце августа неуказанное количество «крыжей» к мечам золотил «золотарь» Иван Григорьев. Возможно, им была выполнена небольшая часть работы, или ее качество не удовлетворило администратцию. Так или иначе, но в декабре появляется информация о работе над золочением эфесов одного из лучших мастеров Золотой и Серебряной палаты Семена Ярославца. В приходе-расходной книге записано: «Декабря 11 день приказу Серебряного дела мастеру Семену Ярославцу с товарищи на десять огнив и наконешники на полфунта селитры, на полфунта нашатырю, на полфунта купоросу. За все полтина»¹⁵. Также декабрем датируется приказная память о выдаче мастеру серебряной палаты Семену Ярославцу «с товарищи» 50 золотых «ко государевым десяти мечам золотить десять *агнив*

(зачеркнуто) *крыжей* (над строкой) да десять наконешников»¹⁶. Вероятно, «агнива» – пять клинков у мечей уже вызолотил Иван Григорьев, а Семену Ярославцу предстояло заняться золочением эфесов и наверший рукоятей.

Первого ноября дана была память казначею Богдану Миничу Дубровскому прислать в Оружейной приказ «к околничему к Богдану Матвеевичу Хитрову да к дьяку Ивану Степанову [для] (чернильное пятно) государевых десяти мечей бархату травчатого красного *пять аршин* (зачеркнуто) десеть аршин». Причем отметка об исполнении и выдаче тканей датирована лишь 19 декабря.¹⁷ В тот же день заплатили рубль кормовых денег «паликадилщнику Ивашке» (Ивану Тихонову). «Делал десят крыжей да десят наконешников». 20 декабря «сабелнику Андрону Ефремову на олово на нашатырь – пять алтын. На двенатцатцать мечей». Возможно мастер крепил (подгонял) эфесы к клинкам и (или) лудил железную оправу на ножнах, как можно предположить по выданным ему материалам. К началу января 1657 г. работа над протазанами и мечами, по-видимому, была окончена.

К сожалению, отсутствует точная дата в отписке оружничего Богдана Матвеевича Хитрово, в которой он рапортует об исполнении заказа – сообщает об изготовлении 40 протазанов и 10 мечей и спрашивает, отослать ли оружие к государю в Вязьму или ожидать его прихода в Москву¹⁸. Произойти это могло никак не ранее зимы. Алексей Михайлович находился в Вязьме с 26 ноября 1656 г. по 14 января 1657 г.

На основе материалов приходо-расходных книг и столбцов Оружейной палаты можно попытаться реконструировать внешний вид мечей 1656 г. Основываясь на выявленных источниках, можно установить, что у мечей, изготовленных в 1656 г., на клинках были «долики», пята у части клинков была гладкой, у другой части «травчатой» – украшенной растительным орнаментом. Согласно царскому распоряжению, пять клинков были позолочены (возможно частично). Эфес и навершие рукояти были отлиты из меди и золочены. Деревянные ножны и рукояти мечей были обтянуты «бархатом травчатым красным по белой земле».

В собрании оружия Музеев Московского кремля хранятся несколько мечей с клинками русской работы, чрезвычайно массивным, сложной формы литым медным эфесом¹⁹. На клинках по три глубоких дола, центральный из которых длиннее боковых, у его конца выбиты четыре глубоких точки. Два из указанных мечей имеют клинки, украшенные гравированным растительным орнаментом, два – гладкие (рис. 1, 2).

Рис. 1. Мечи двуручные, церемониальные. Россия, Москва, Оружейная палата, 1656 г. Мастера: Андрон Ефремов, Иван Иванов, Иван Григорьев, Семен Ярославец

Рис. 2. Меч двуручный, церемониальный. Россия, Москва, Оружейная палата, 1656 г. Мастера: Андрон Ефремов, Иван Иванов, Иван Григорьев, Семен Ярославец (деталь)

В описи оружейной казны, хранящейся в Оружейной палате, эти мечи прочитываются в числе группы из 12 мечей, написанных третьими. Согласно описи, мечи имели разные варианты золочения и серебрения «доликов» и участков клинка «промеж» и «повыше доликов». Ножны у мечей были «оболочены бархатом червчатым», устья и наконечники ножен – железные луженые. В 1686/1687 гг. из двенадцати мечей, что числились в 1682 г. в Оружейной палате, оставалось девять²⁰. За исключением одного, мечи пострадали от пожара 1737 г., лишившись ножен и рукоятей. Нынешние деревянные, выкрашенные черной краской рукояти и навершия – поздние. Погорелые клинки были подвергнуты грубой чистке, вследствие чего практически полностью лишились золочения.

Хотя войти в Ригу триумфальной процессией государю Алексею Михайловичу не удалось, это не поколебало энтузиазма в деле расширения и модернизации группы церемониального оружия. Приходо-расходные книги вновь фиксируют пробуждение активности по поновлению и пополнению протазанной группы летом 1657 г. К

работе над мечами относится только одна запись: велено было прислать «в Оружейной приказ... на протазаны и на мечи отласа красного 54 аршина, желтого 38 аршин, объери серебряные травчатые цветные пят аршин, объари серебряные одноцветные три аршина, сукна светло-зеленова половинку полукармазину»²¹. Едва ли ткань на ножнах и рукоятях мечей, сделанных в 1656 г., успела настолько износиться, что ее требовалось менять. Возможно, ткань понадобилась для поновления мечей, которые были с государем под Ригой и вместе с походной оружейной казной вернулись в Кремль. Вновь возникает закономерный вопрос: к какому событию проводились приготовления?

Летом 1658 г. в Москве с немислимым почетом принимали грузинского царя Теймураза Давидовича. Во время приема царя Теймураза в Грановитой палате 6 июля царь Алексей Михайлович сидел на троне, «а рынды перед Великим Государем с мечми, столньники: князь Михайло да князь Петр княж Семеновы дети Прозоровского, Матвей Степанов сын Пушкин, Иван Богданов сын Приклонской». «Мечники» были при государе и во время торжественного обеда в Грановитой палате. «А как государю кушанье подали, и перед ним государем стояли по сторонам с мечи: по правую руку столник князь Михайло княж Семенов сын Прозоровский, да на той же стороне по конец стола стояли головы стрелецкие: Артамон Сергеев, Василей Философов; по левую сторону столник князь Петр княж Семенов сын Прозоровский... против его головы стрелецкие: Федор Александров, Матвей Шишкин»²².

Прием грузинского царя Теймураза в 1658 г. был беспрецедентен как по уровню пышности, так и по элементу новизны в церемониале. Это первый документированный случай, когда стоявшая при государе церемониальная стража – рынды были вооружены мечами. 8 мая 1660 г. в Москве по схожему сценарию, хоть и с несколько менее пышно, принимали грузинского царевича Николая Давыдовича «А как грузинский царевич вшел а Грановитую палату, и Великий Государь в то время был на своем царском месте. При государе стояли ж с мечами: по правую сторону столник Никита Иванович Шереметев... по левую Григорий княж Федоров сын Щербатой...». Они же стояли с мечами по сторонам царского места во время торжественного обеда в Грановитой палате»²³.

Идея собиранья всех православных народов под рукой московского государя страстно пропагандировалась патриархом Никоном.

Такие настроения старательно поддерживались восточными православными иерархами, прибывавшими в Москву за поддержкой и «милостыней». В этом контексте приезд царя Теймураза, который был официально декларирован как «подданный» московского государя, имел колоссальное значение, что подвигло к модернизации церемониала, приданию ему экстраординарного характера.

Документы Оружейного приказа свидетельствуют, что с осени 1658 г. работа над созданием новых мечей продолжилась. 21 ноября 1658 г. уже знакомому нам по изготовлению мечей в 1656 г. сабельному мастеру Андрону Ефремову было велено «выковать меч против образца». Далее тема мечей, причем в довольно неожиданном ракурсе, вновь возникает в январе 1659 г. 11 января было выдано «Миките Давыдову на сталное железо и на уголь тритцать алтын. Делал граненый меч». 15 января дано «иноземцу Юрью Бою на уголье десять алтын. Золотил меч и на ножнах оправу». В марте Никита Давыдов получает новый заказ. Согласно записи от 7 марта «делал зубчатой меч». В апреле паникадильного дела мастер Андрей Андреев отливал к мечу Никиты Давыдова «крыж медной»²⁴. 3 ноября «на оболочку на мечевые ножны» было велено дать десять аршин красного бархата²⁵. Как следует из вышеуказанных записей, в Оружейной палате конца 1650-х гг. внимание акцентировали уже не на количестве, а на качестве новых образцов церемониального вооружения.

Нам неизвестно, с какого образца Андрону Ефремову в 1658 г. велено было делать новый меч и насколько успешно он с этим заданием справился. Андрон Ефремов не принадлежал к первостатейным мастерам и имел довольно скромный для Оружейной палаты тех лет денежный оклад в 5 рублей. Никита же Давыдов был лучшим мастером Оружейной палаты с наивысшим на то время годовым окладом в 30 рублей.

Трудно сказать, что представлял из себя выполненный Никитой Давыдовым «меч граненый». Оружие с длинным, прямым, граненым клинком, предназначенным для колющего удара (кончар), было хорошо известно в России в XVII в. В описи государевой оружейной казны, что в Оружейной палате 1687 г., кончары писаны в отдельную главу, между палашами и шпагами²⁶. Таким образом, терминологическая путаница маловероятна. Следующим шагом стало требование Никите Давыдов отковать довольно экзотичный для России предмет – меч с волнообразным клинком, явно ориентированный на западноевропейские образцы.

Как мы видим, интерес к мечу как типу церемониального оружия оставался высоким. Пытаясь осмыслить характер и направленность заданий, выдаваемых Оружейной палате, можно прийти к выводу, что выполненные в 1656 г. Андронимом Ефремовым мечи уже не вполне соответствовали высоким требованиям. Теперь работа была поручена исполнителю высочайшего класса. В стенах дворцовых мастерских шел энергичный эксперимент с поиском новых решений и форм, способных удовлетворить взыскательного заказчика. Во исполнение этой задачи был предпринят ряд шагов несколько иного рода.

28 декабря 1659 г. государю Алексею Михайловичу челом ударил голландские земли торговый иноземец Иван Фансведен (Йохан ван Сведен) – поднес в дар группу предметов западноевропейского оружия. Первой строкой в росписи подарков были написаны «12 мечей золоченых, ножны облочены бархатом червчатым»²⁷. Привоз голландцем именно в это время мечей не был случайностью. И. Фансведен активно занимался поставками из Европы строевого оружия для русской армии и по роду своей деятельности был тесно связан с администрацией Оружейной палаты и оружничим Богданом Хитрово. Нет сомнений, что голландец был четко сориентирован, чем государю челом ударить. Вскоре после его челобитья, в феврале 1660 г., с ним был заключен один из самых крупных контрактов на поставку оружия в Россию в XVII в. Голландец обязался доставить в Архангельск в августе «первым корабельным ходом» 50 тысяч единиц огнестрельного оружия – мушкетов, карабинов и пистолетов с принадлежностями. Русскую сторону «при уговоре» представлял оружничий Б.М. Хитрово²⁸.

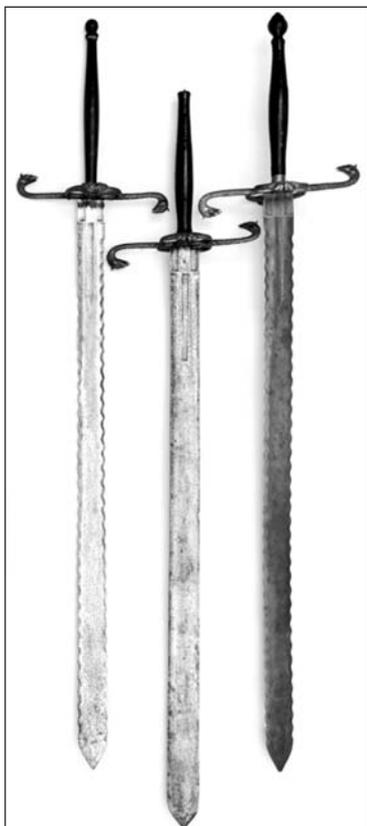
5 января 1660 г. в приходо-расходной книге Оружейной палаты была сделана запись: «извощику Стенке за провоз четыре алтына. Возил протазаны и мечи с немецкого двора в Оружейный приказ»²⁹. К 1660 г. абсолютное большинство иностранных торговцев было вынуждено перебраться за город в Новонемецкую слободу. В пределах Белого города на своих дворах, преимущественно в районе Покровки и Поганого пруда, проживало около десятка привилегированных иностранных купеческих семейств³⁰. В черте города, а не в Новонемецкой слободе находился и двор Фансведена. Известно, что на соседнем с голландцем дворе проживал патриарший дьяк Иван Кокошилов³¹.

Следующее по времени упоминание церемониального применения мечей – описание смотра ратных людей на Девичьем поле ца-

рем Алексеем Михайловичем 3 февраля 1664 г., опубликованное Л.П. Яковлевым. Государь выехал на смотр в санях, его церемониальную стражу составляли десять сокольников, облаченных в куяки и вооруженных мечами. В документах, относящихся к организации смотра, присутствует запись о выдаче сокольнику Терентью Тулубьеву «с товарищи 10 человекам мечей немецких»³². Возможно, необычно было и вооружение самого Алексея Михайловича. В документах Оружейной палаты в январе 1664 г. упоминаются работы над неким «государевым походным санным полашом»³³.

Информация об использовании на смотре группы «немецких» мечей крайне важна. Таким образом подтверждаются выдвинутые ранее предположения о характере мер, предпринятых администрацией Оружейной палаты для реализации замыслов по расширению и совершенствованию состава церемониального оружия.

В собрании Оружейной палаты хранится группа мечей с прямыми и волнообразными клинками и медными эфесами³⁴. Клинки мечей немецкие, на пяте украшены двумя продольными полосами растительного орнамента, между которыми по центральному долу гравирован девиз: SOLI DEO GLORIA³⁵. Пята клинка украшена гравированным изображением двуглавого орла под короной. Эфесы медные с кольцами, на концах крестовин и на кольцах – орлиные головы. На кольцах у орлиных голов видны следы от утраченной детали. Рукояти и навершия рукоятей XVII в. не сохранились. Мечи сильно пострадали во время большого московского пожара 1737 г. Сами мечи «погорели», а ножны «згорели»³⁶. «Горелые» мечи были подвергнуты грубой чистке. Сейчас золочение на пяте клинков практически утрачено. Нынешние деревянные выкрашенные черной краской рукояти поздние, ножен нет. Эти мечи четко соотносятся с группой, фигурирующей в описи государевой оружейной казны 1686/1687 гг. Правда, в 1680-е гг. немецких мечей было уже не двенадцать, а одиннадцать. «Полосы стальные. В том числе пять мечей зубатых, шесть гладких. От крыжа на полосах по обе стороны на голомяни по долику с подписью. По обе стороны подписей – травы. Повыше трав по орлу двоеглавому с корунами. Орлы и травы и подписи наведены золотом. Крыжи и по конец черен орльи головы с корунами. На корунах по кресту медные золочены и посеребрены. Черены оболочены бархатом червчатым, перевиты голуном золотным. Бахрамы у крыжей и по конец черенов шолк червчат з золотом. Ножны оболочены бархатом червчатым, устье и наконешник железные луженые»³⁷ (рис. 3, 4).

Рис. 3. Мечи двуручные. Клинки – Германия, первая пол. XVII в. Прибор – Россия, Москва 1660-е гг.

Рис. 4. Меч двуручный. Клинок – Германия, первая пол. XVII в. Прибор – Россия, Москва 1660-е гг. (деталь)

Запись о привозе мечей с «немецкого двора» в Оружейный приказ 5 января 1660 г. говорит о том, что «челобитье» Фансведена – поднос оружия государю Алексею Михайловичу 28 декабря 1659 г. был осуществлен лишь документально, а мечи и протазаны не были реально явлены «пред очи государевы». По всей вероятности это объясняется намерением Б.М. Хитрово должным образом доработать «немецкое» оружие.

4 июля в приходе-расходной книге зафиксировано, что «сабелному мастеру Андронку Ефремову велено зделат ко государевым мечам наклепен[ь]. И ему на уголье шесть алтын четыре денги. Да ему ж Андронку на работников четыре алтына»³⁸. Значение термина «наклепен[ь]», к сожалению, неясно. Можно говорить только о том, что речь шла не о создании новых, а о доработке уже имевшихся

«государевых мечей». Применительно к мечам с немецкими клинками можно предположить, что они дорабатывались под новый прибор. Мастеру поручили нарастить (вытянуть) хвостовики под более длинную рукоять с навершием, для чего металл хвостовика следовало предварительно отпустить.

Как и у русских мечей 1656 г., эфесы «немецких» мечей так же изготовлены из меди, причем в чрезвычайно специфической художественной манере. Близких аналогий изображениям орлиных голов на кольцах обнаружить не удалось. Скорее всего, и эту работу выполнили паникадильных дел мастера. В октябре 1660 г. в приказ Большого дворца была послана память с требованием прислать по государеву указу в Оружейную палату к окольниковому и оружничему Богдану Матвеевичу Хитрову двух Таганной слободы паникадильных мастеров Фильку Иванова сына Сажонкова да Ивашку Емельянова сына Бороденка «для своего государева дела на время»³⁹.

Вероятность того, что именно эти немецкие мечи были в руках у сокольников под началом Терентия Тулубьева, сопровождавших государя на зимнем смотре 1664 г., на мой взгляд, весьма велика. Другой единообразно оформленной группы немецких мечей в единственной сохранившейся описи оружейной казны XVII в. не числится. Согласно описи 1686/1687 гг. в Оружейной палате хранилось одиннадцать немецких мечей, шесть из которых имели прямой клинок, а пять волнистый.

С 1664 г. (прием английского посольства гр. Ч.Г. Карляйля⁴⁰) в посольский церемониал входит эпизодическое использование мечей в качестве вооружения рынд – церемониальной стражи русских государей. В ряде случаев «мечники» присутствовали во время торжественных обедов⁴¹.

В XVIII в. в преддверии коронации императрицы Елизаветы Петровны было принято решение ввести в состав государственных регалий Государственный меч. Согласно указу от 16 апреля 1742 г. для этого надлежало выбрать в Мастерской Оружейной палате «лучший из находящихся в оной»⁴². Ныне этот меч выставлен в экспозиции Оружейной палаты в витрине № 50 с государственными регалиями. Что же нам известно об этом мече?

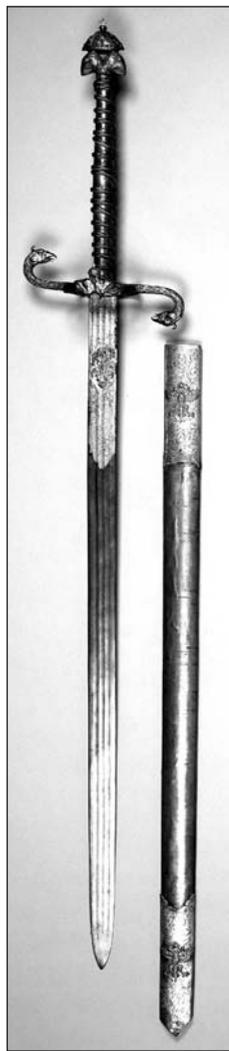
Самое раннее упоминание о нем относится к 1687 г. В «Переписной книге Оружейной и всякой царской казне...» он был написан первым в главе 8-й «Мечи немецкого и русского дела...»: «Меч, полуса стальная польская в три дола. От крыжа голомя наведено золо-

**Рис. 5. Меч государственный с ножнами.
Клинок – Польша (?) XVII в. Прибор - Россия,
Москва 1660-е гг. Мастер Григорий Вяткин
(декор клинка)**

том. С одну сторону насечен орел двоеглавый, нем коруна, в ногах змей. На другой стороне грив – держит в ногах меч. Ножны поволочены бархатом серебряным цветным. На черену на конце вместо яблока две главы орловые, над ними коруна с крестом. Крыж з двумя колцы, у крыжа и у колец птичьи головы, с одной стороны на конце коруна. И устье и наконешник серебряные золоченые резные. На устье и на наконешнике с обе стороны по орлу двоеглавому чеканному, напаиваны с корунами. Цена сорок пять рублей. А в прежних книгах не написан»⁴³. Меч практически полностью соответствует этому описанию. В XVIII–XIX вв. в связи с подготовкой к коронациям несколько раз обновлялась ткань на ножнах и рукояти. Согласно описи 1884 г. при коронации Александра III ножны и рукоять были покрыты золотым глазетом⁴⁴. Эта ткань остается на вещи по сей день (рис. 5).

Про откованный из дамасской стали клинок меча в документе написано: «полоса польская». Определение «польский» связано, скорее всего, не с типом, а с происхождением полосы. Среди посольских даров Речи Посполитой московским государям ни мечей, ни клинков мечей не выявлено. Клинок мог быть привезен в Россию и продан в Оружейную палату, взят в качестве трофея во время военных действий против польско-литовского государства. Не исключено, что полоса была откована в Москве «польским» мастером, которых было немало в Оружейной палате с конца 1650-х гг.⁴⁵

На пяте клинка в технике обронной резьбы выполнено изображение двуглавого орла под тремя коронами терзающего крылатого дракона (змея) (рис. 6). Изображение представляет собой специфи-

**Рис. 6. Меч государственный
(деталь)**

ческую трактовку «Видения царьградского» из «Истории...» или «Повести о взятии Царьграда турками в 1453 году», автором которой, согласно послесловию, был некто Нестор Искандер – обращенный в ислам грек, сохранивший сочувствие к христианам⁴⁶.

Излагая историю основания Царьграда, Нестор передает предание о знамени, явленном императору Константину. Перед императором из норы выползла змея, но с неба пал на нее орел, и, схватив, взмыл ввысь. Змея же обвилась вокруг орла и одолела его, и упал орел на то же место. Люди же подбежав, змею убили, а орла у нее отняли. Знамение истолковано так: на этом месте встанет город и возвеличится более всех городов, но суждено ему поколебаться. Орел – символ христианский, а змея – символ мусульманский. И раз змея одолела орла, то этим возведено, что мусульманство одолеет христианство. А так как

христиане змею убили, а орла отняли, явлено этим, что напоследок снова христиане одолеют мусульман, и градом овладеют, и в нем воцарятся⁴⁷. Нет никаких сомнений, что сцена противоборства двуглавого под тремя коронами орла и змея, выполненная на клинке меча в дворцовых мастерских, представляет собой выраженный с предельной степенью аллегорической прозрачности лозунг: «царь Алексей Михайлович – победитель неверных, освободитель Царьграда».

На другой стороне, на пяте клинка в фигурном картуше в технике оброна на проканфаренном фоне выполнено изображение грифона с мечом (рис. 7). Хотелось дистанцироваться от рассуждений на тему: «грифон – родовой герб Романовых». В Московском государстве XVII вв., грифон принадлежал к числу наиболее популярных фигур так называемой «декоративной геральдики». Только в собрании Ору-

Рис. 7. Меч государственный (деталь)

жейной палаты насчитывается более пятидесяти русских памятников XVII в. с изображениями грифонов. Разновариантные и выполненные в разных техниках изображения грифонов украшают собой сосуды, предметы конского убранства, оружие и знамена. Среди них присутствуют как вещи, изготовленные «про государев обиход», так и для частных лиц, выполненные как в дворцовых мастерских, так и в провинции. Грифон изображен и на ряде предметов «царского чина» – саадаке Большого наряда царя Михаила Федоровича⁴⁸ и двойном троне государей Ивана и Петра Алексеевичей⁴⁹. Но и до воцарения Романовых образ грифона присутствовал близ царского престола. По свидетельству Георга Паерле помимо четырех лежащих серебряных львов по сторонам трона Лжедмитрия I стояли фигуры двух грифонов с державой и мечом⁵⁰. Сходное известие содержит и дневник Марии Мнишек⁵¹.

Обращает на себя внимание несообразность размещения изображений на клинке меча. Если изображение двуглавого орла в «Видении царьградском» ориентировано вертикально и при удержании меча вверх острием занимает свое обычное положение, то ориентированное горизонтально изображение грифона в таком положении смотрится довольно нелепо – стоящим на одной лапе, с запрокинутой головой и высунутым вверх языком, с мечом, опущенным вниз за спину.

На пистолетных, карабинных и пищальных стволах работы мастеров Оружейной палаты изображения размещены аналогичным об-

разом – «вразнобой»: орел ориентирован головами к дулу, лапами к казенной части, а грифон – «по горизонтали». Таким образом, можно утверждать, что изображения на клинке меча «насекал» ствольный мастер Оружейной палаты, не отступая от привычного ему типа изображений и расположения геральдических фигур. С высокой долей уверенности можно утверждать, что геральдические изображения на клинке меча были выполнены первостатейным ствольным и замочным мастером Григорием Никитичем Вяткиным⁵².

На пята клинка присутствуют резные клейма в виде двух зубчатых полукружий с тремя точками по краям – имитация так называемых «серпов», клейма знаменитого генуэзского оружейника Андрэа Ферара (Andrea Ferara) конца XV – начала XVI вв. Нанесение псевдогенуэзских клейм на оружие местного производства было чрезвычайно распространено, особенно в Восточной Европе XVI–XVII вв. Вполне вероятно, оружие с такими клеймами могло приходить в Россию с территории Польско-Литовского государства. По мнению А.К. Левыкина именно это обстоятельство могло способствовать определению клинка как «польского».

**Рис. 8. Меч государственный
(деталь)**

Прибор меча – эфес и навершие рукояти выполнены из золоченого серебра. По форме и декору эфес чрезвычайно близок к медным эфесам «немецких» мечей и отличается только несколько меньшим размером пропорционально длине клинка. На серебряном эфесе над орлиными головами на кольцах сохранилась корона с крестом, утраченная на эфесах «немецких» мечей (рис. 8).

Чрезвычайный интерес представляет навершие рукояти. Над двумя орлиными головами чрезвычайно необычного вида находится «коруна» с крестом. Форма «коруны» почти коническая и более напоминает русские венцы. По обе стороны уплощенной «коруны» от навершия к нижнему краю расходятся по три рельефные полосы. Тулья по центру украшена изображениями двух развернутых в стороны птичьих голов, нижние края венца по сторонам декорированы стилизованными птичьими головами. Исполнение навершия рукояти

характеризует чрезвычайно высокий уровень фантазийности. Элементы русской государственной символики на навершии были выполнены в форме, весьма далекой от геральдически корректной (рис. 9).

Рис. 9. Меч государственный (деталь)

Чрезвычайная близость декора эфесов «немецких мечей» и меча с серебряным прибором говорит о том, что они имели одну общую модель. Вероятно, близким было и время их создания.

Над украшением клинка, эфесом, навершием и ножнами работали разные мастера (возможно группы мастеров). Если орел на клинке весьма близок к тем, что выполняли на казенной части стволов мастера Оружейной палаты в середине XVII в., то накладные орлы на ножнах с характерными «шипастыми» шеями и «пальчатými» – к изображениям орлов на оружии и доспехе, выполненным «наводного дела мастерами» – выходцами из Великого княжества Литовского⁵³.

Следует отметить, что серебряный золоченый прибор меча с «польским» клинком визуалью мало чем отличался от медных золоченых приборов мечей с немецкими клинками. Увидеть отличие в качестве клинка и рассмотреть обронные изображения на его золоченой пяте можно было лишь с очень близкого расстоя-

ния. Таким образом, отличие меча с «польским» клинком от мечей немецкой группы в большей степени статусное, нежели декоративное.

Крайне осторожно можно предположить, что этот меч мог быть предназначен для самого царя Алексея Михайловича и находиться при нем во время смотра войск 1664 г. Косвенно об этом свидетельствует идентичность оформления серебряного прибора меча с дамасским клинком и мечей сокольников, окружавших царские сани. Никакими иными доводами, позволяющими идентифицировать вышеупомянутый меч как «государев походный санный полаш» 1664 г., мы не располагаем.

Последнее в XVII в. известие о создании в Оружейной палате мечей относится к 1674 г. Для традиционного подношения на Пасху

царю Алексею Михайловичу иноземец «немчин» Борис Крыгор выполнил «два меча волнистых с крыжами, ножни покрыты обьерью золотною⁵⁴». Поднесение государю различных изделий мастеров Оружейной палаты на Пасху было традиционным ежегодным мероприятием. Очевидно, на сей раз изготовленные мечи не вызвали интереса государя. В документе рядом с именем Бориса Крыгора нет отметки о получении какой-либо награды. В изготовлении оружейных вещей для пасхального подноса следующего года (последнего в жизни Алексея Михайловича) он не участвовал⁵⁵. К сожалению, как и мечи работы Никиты Давыдова 1659 г., мечи Бориса Крыгора 1674 г. в собрании Музеев Московского Кремля идентифицировать не удалось. Возможно, эти памятники не сохранились.

Среди столбцов второго разряда бывшего архива Оружейной палаты хранится документ о пожаловании наградным оружием наиболее видных представителей политической и военной элиты Русского государства: «Царственные большие печати и государственных посольских дел оберегателю, ближнему боярину и дворовому воеводе и наместнику Новгородскому князю Василью Васильевичу Голицыну. Меч стальной зубатой в лице от крыжа присинька а в присиньке травы, в травах слова латынския на травах орел двоеглавой с коруною. По обе стороны крыжа и верх золочены и серебрены, наверху корона. Ножны покрыты бархатом червчатым, оправа на них железная прорезная золоченая в сорочке червчатой суконной кармазиновой.

Боярину и воеводе Алексею Семеновичу Шеину. Меч стальной гладкой, от крыжа долики посеребрены и позолочены, травы обронные позолочены. Крыж и яблоко медные позолочены. Ножны покрыты бархатом червчатым рытым по белой земле. Черен покрыт отласом цветным. На ножнах оправа железная в сорочке суконной. Боярину и воеводе князю Володимеру Дмитриевичу Долгорукову. Меч против вышеписанного меча, каков боярину Алексею Семеновичу Шеину... Войска Запорожского обеих сторон Днепра Гетману Ивану Самойловичю. Меч против вышеписанных двух, долики золочены, расчеканены. В сорочке суконной»⁵⁶.

В документе не проставлена дата, однако состав награжденных, а также отсутствие в комплектах одного «немецкого» и трех «русских» мечей, зафиксированное в Переписной книге государевой оружейной казны 1686/1687 гг., указывают на то, что пожалование состоялось накануне первого Крымского похода. Обращает на себя внимание высокий статус меча как предмета пожалования. Несмотря на то,

Рис. 10. Меч двуручный, церемониальный «Шейнской». Россия, Москва, Оружейная палата, 1656 г. Мастера: Андрон Ефремов, Иван Иванов, Иван Григорьев, Семен Ярославцев

что мечи имели простые стальные клинки и медный прибор, их вручили самым высокопоставленным лицам. Менее важные чины получили палаши и сабли, в том числе с булатными клинками и драгоценными приборами.

Из четырех вышеперечисленных наградных мечей два возвратились в Оружейную палату. В кон-

фискованном имуществе князя Василия Васильевича Голицына, что было в его московском доме между Тверской и Дмитровкой, в 1689 г. находился меч, по описанию весьма близкий пожалованному ему «немецкому»⁵⁷. Этот же меч присутствует среди оружия В.В. Голицына, поступившего в Государеву оружейную казну⁵⁸. К сожалению, идентифицировать меч, пожалованный В.В. Голицыну, среди «горелых» мечей немецкой группы не представляется возможным.

В 1831 г. в Оружейную палату с Колымажного двора с легендой – «Шейнской» поступил меч, с клинком и гардой, идентичными хранящимся в Оружейной палате мечам 1656–1657 гг.⁵⁹ Согласно описи имущества Московского Колымажного двора «палаш большой Шейнской» поступил туда в 1754 г. из Ведомства придворной конюшенной конторы в составе разнородной группы предметов: знамя, седла, упряжь, доспех (зеркала, панцири, лаги, поручи)⁶⁰ (рис. 10, 11). Меч, пожалованный боярину и воеводе Алексею Семеновичу Шейну, не

Рис. 11. Меч двуручный, церемониальный «Шейнской» (деталь)

попал в пожар 1737 г., сохранив черты своего первоначального облика, следы золочения и серебрения на клинке, обтянутую бархатом рукоять с бахромой у эфеса и грушевидное золоченое навершие.

¹ Дневник происшествий Московских и посольства в Москву пана Николая Олесницкого... Писанный в 1606 году в Москве // Акты исторические, относящиеся до России, собранные... А.И. Тургеневым. Т. 2. СПб., 1842. С. 98.

² Дневник Марины Мнишек. М., 1995. С. 53.

³ Поименная роспись духовным и светским чинам, составлявшим Государственный совет в правление Лжедмитрия Отрепьева // СГГД. Т. 2. М., 1819. С. 209.

⁴ Дневник Марины Мнишек. С. 40.

⁵ Лаврентьев А.В. «Полаш Ивана Васильевича Измайлова»: Итальянский меч и его русские владельцы Эпохи Смутного времени // Архив русской истории. Вып. 8. М., 2007. С. 73.

⁶ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 5661. 1656 г. Грамота кн. Куракину с посылкою 20 протазанов для позолоты и о присылке их в поход в Динабург. Л. 1.

⁷ Там же. Л. 2.

⁸ Там же. Л. 20.

⁹ Там же. Д. 5835. 1657 г. Роспись казны ц. Алексея Михайловича, которая была в походе... Л. 76.

¹⁰ Там же. Оп. 2. Д. 946. 1656 г. Приходная и расходная книга денежной казны Оружейной палаты. Л. 99 об.

¹¹ Рубцов Н.Н. История литейного производства в СССР (IX–XVII вв.). М.; Л., 1947. Ч. 1. С. 46–47.

Кирюхина В.А. Государев колокольный мастер Иван Фальк – создатель колокола церкви Святой Троицы в Никитниках // Труды ГИМ. М., 1998. С. 65–73.

¹² РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 5676. Память в Оружейный приказ о сделании десяти мечей и о присылке к государю в поход. Л. 1–2.

¹³ Там же. Оп. 2. Д. 946. Приходная и расходная книга денежной казны Оружейного приказа. Л. 126 об. – 149 об.

¹⁴ Там же. Л. 145–150; Д. 947. 1656–1657 гг. Расходная книга денежной казне Оружейного приказа. Л. 9–31 об.

¹⁵ Там же. Д. 947. Л. 23.

¹⁶ Там же. Оп. 1. Д. 5731. О даче из Оружейного приказа серебряной палаты мастеру Семену Ярославцу с тов. к государевым мечам для золочения десяти крыжей и наконечников пятьдесят золотых. Л. 1.

¹⁷ Там же. Д. 5727. Память в Казенный приказ о присылке в Оружейный приказ к государевым десяти мечам бархату красного травчатого 10 аршин. Л. 1.

¹⁸ Там же. Д. 5831. Отписка оружничего Б.М. Хитрово к государю в Вязьму об изготовленных в Оружейном приказе протазанов и мечей. Л. 1.

¹⁹ ОР-323; ОР-324; ОР-988; ОР-989.

²⁰ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 936. Переписная книга... Л. 98–98 об.

²¹ Там же. Оп. 1. Д. 6056. Память в Казенный приказ о присылке в Оружейный приказ на протазаны и на мечи атласов... Л. 1–3.

²² Дворцовые разряды. Т. 3. СПб., 1852. С. 499–502.

²³ Там же. С. 517, 519.

²⁴ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 948. 1658–1659 гг. Приходная и расходная книги денежной

казны Оружейного приказа. Л. 72 об., 125, 134, 164.

²⁵ Там же. Оп. 1. Д. 7266. О присылке в ОП бархату на оболочку на мечевые ножны. Л. 1.

²⁶ Там же. Оп. 2. Д. 936. Переписная книга Оружейной и всякой царской казне и красок, что в Оружейной палате, в Большой казне и в прочих палатах... 1687 г. Л. 90 об. – 94 об.

²⁷ Там же. Оп. 1. Д. 7125. Роспись разным вещам, поднесенным в дар в 7168 г. ц. Алексею Михайловичу голландские земли от торгового иноземца Ивана Фансведена. Л. 1.

²⁸ Там же. Д. 7129. Об уплате голландцу Фансведену за поставленные в Оружейную палату вещи. Л. 14–17.

²⁹ Там же. Оп. 2. Д. 949. 1659–1660 гг. Приходная и расходная книги денежной казны Оружейного приказа. Л. 145 об.

³⁰ Орленко С.П. Выходцы из Западной Европы в Московском государстве XVII в. Правовой статус и реальное положение. М., 2004. С. 66–68.

³¹ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 7662. Челобитная голландца Ивана Фансведена о краже с его двора государева ружья 152 пар пистолей. Л. 1.

³² Яковлев Л.П. Русские старинные знамена // Древности Российского государства. Дополнение к III отделению. Приложение. М., 1865. С. 113, 116, 120.

³³ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 951. Книга приходная и расходная золоту и серебру... Л. 34.

³⁴ ОР-318; ОР-978; ОР-979; ОР-980; ОР-981; ОР-982; ОР-983; ОР-4210.

³⁵ Одному Господу слава (лат.).

³⁶ Опись Московской Оружейной палаты. Ч. 4, кн. 3. М., 1886. С. 74.

³⁷ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 936. Л. 97 об.

³⁸ Там же. Д. 950. Книга приходная и расходная деньгам Оружейной палаты. Л. 30.

³⁹ Там же. Оп. 1. Д. 7251. О присылке из приказа Большого дворца в Оружейную палату паникадильных мастеров на время. Л. 1.

⁴⁰ Дворцовые разряды. Т. 3. С. 564.

⁴¹ Орленко С.П. Мечи и протазаны. К вопросу о церемониальных новациях русского двора // Материалы и исследования. Музеи Московского Кремля. Вып. 22. М., 2014. С. 45–88.

⁴² Голованова М.П. Регалии Российской империи: Государственное знамя. М., 2007. С. 9.

⁴³ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 936. Л. 96 об. – 97.

⁴⁴ Опись Московской Оружейной палаты. Ч. 1. М., 1884. С. 27.

⁴⁵ Ларченко М.Н. К вопросу о работе так называемых «польских» мастеров в Оружейной палате во второй половине XVII века // Материалы и исследования. Государственные музеи Московского Кремля. Вып. 4. М., 1984.

Орленко С.П. Белорусские мастера «наводного дела», работавшие в Оружейной палате во второй половине XVII века // Материалы и исследования. Музеи Московского Кремля. Вып. 24. М., 2014. С. 88–107.

⁴⁶ Скрипиль М.О. «История» о взятии Царьграда турками Нестора Искандера // ТОДРЛ. Вып. X. М., 1954. С. 166–184.

⁴⁷ Повесть о взятии Царьграда турками в 1453 году // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV в. М.: Худож. лит., 1982. С. 216–218.

⁴⁸ Ор-144/1-4.

⁴⁹ Р-31/1-4.

⁵⁰ Паерле Г. Описание путешествия... // Сказания современников о Дмитриии Самозванце. Т. 2. СПб., 1859. С. 177.

- ⁵¹ Дневник Марины Мнишек. С. 39.
- ⁵² Орленко С.П. Оружейный мастер Григорий Никитич Вяткин (ок. 1615–1688) // Война и оружие: Новые исследования и материалы. СПб., 2011. Т. II. С. 122–143.
- ⁵³ Орленко С.П. Белорусские мастера... С. 88–107.
- ⁵⁴ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 14946. О поднесении к Пасхе разных вещей, сделанных в Оружейной Палате по наряду. Л. 8.
- ⁵⁵ Там же. Д. 15621. Роспись ко государеву жалованию Оружейной палаты мастеровым людям за подносные дела прошлого 182-го и нынешнего 183 году. Л. 19.
- ⁵⁶ Там же. Д. 36904. Роспись мечам и другому оружию, пожалованному кн. Василию Васильевичу Голицыну, Алексею Семеновичу Шеину... Л. 1–3.
- ⁵⁷ Книги описныя князь Васильевых и сына его князь Алексеевых всяких животов Голицыных на из московском большом и загородном дворех, то за Никитскими вороты и привозных... // Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. Т. 4. СПб., 1893. С. 119–120.
- ⁵⁸ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 938. Книга приходная, что по памятям из приказов розыскных дел принято в Оружейную палату. Л. 19 об.
- ⁵⁹ ОР-325.
- ⁶⁰ РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 34715. Рапорт правящаго должность надзирателя Остоженской конюшни Бушина с приложением описей и ведомостей состоящим при Московском Колымажном дворе лошадям, старинным экипажам, вещам... Л. 78–79.